

Василий Каменский — в Музее В.В. Маяковского Владимир Владимирович потеснился

Игорь Чувилін

В Государственном музее В.В. Маяковского открылась выставка, посвященная Василию Каменскому — знаменитому футуристу, поэту, авиатору, художнику. Перечислять, кем он был, можно долго, даже «человек и паром» — это про него: еще в 1930-х годах, то есть при жизни поэта, по его родной Каме пустили паром «Василий Каменский». Такое судно и теперь там ходит.

В 2004 году прошло 120-летие со дня рождения поэта. Тихо и незаметно — именно «прошло», а не «было отпраздновано», поскольку к юбилею только в Пермском краю, на родине Каменского, и готовились по-настоящему. Однако в музее Маяковского, пусть и с некоторым опозданием, о Василии Васильевиче решили вспомнить. Выставка, крохотная и затерянная в лабиринтах музея, открылась скорее как напоминание, нежели как полноценная экспозиция. Раритетные издания российских футуристов («Садок Судей», «Газета футуристов»), письма, фотографии (подписанные лично: «Я — Вася — в солднеродном детстве»), удостоверение пилота-авиатора, выданное 9 ноября 1911 года, макет Блерио XI, на котором он летал и сильно разбился в Польше в 1912-м, вызвав 23 женских обморока в толпе и много поспешных некрологов в прессе. Кроме того, в экспозиции представлен один живописный опус (в выставках Каменский начал участвовать раньше, чем в поэтических вечерах) и альбомы рисунков. Все упаковано в небольшой закуток самого радикального в архитектурном отношении музея Москвы. Закрученный спиралью футуристический интерьер сам по себе — произведение, а тут вдруг нужно вглядываться в жухлые листы бумаги и угадывать по ним чужую судьбу. Положение спасает издание, приуроченное к открытию выставки.

Под одной обложкой, собственно говоря, оказываются два издания. Во-первых, замечательный репринт первой «железобетонной поэмы», напечатанной в 1914 году на обоях и приправленной рисунками братьев Бурлюков, — пятиугольной книжницы «Танго с коровами» Каменского. Во-вторых, книга «Я — Василий Каменский», в которой смикшированы многочисленные автобиографии поэта (самая первая написана еще в 1918 году), его письма, письма к нему и воспоминания родных и соратников. А главное — эта книга заглядывает во время, замолчанное всеми официальными биографиями Каменского, — в последние двадцать лет жизни. Туда, где отважный авиатор, пламенный песнебоек и «непромокаемый

оптимист» лишился обеих ног (жестоко аукнулась давняя авиакатастрофа), затем оказался почти полностью парализован. Сохранившей подвижность левой рукой он рисовал в альбоме цветными карандашами жизнерадостные «наивные» пейзажи, в которых постоянно присутствовали летящие птицы или самолеты. А незадолго до смерти, вдохновленный известиями о полете Гагарина, вывел на листе ракету с огненным жар-птичьим хвостом — не воспроизводящую корабль «Восток», которого он не мог видеть, а по-настоящему «будетлянскую», как будто она нарисована во времена Циолковского, а не Королева.

На этом фоне камерность выставки оказывается всего лишь наглядной иллюстрацией осколков яркой жизни Каменского. От сиротского детства и актерских заработков через одиночную камеру Николаевской тюрьмы, феерическое шествие футуризма, вызывающих желтых блуз и скандалов, когда Давид Давидович Бурлюк, Владимир Владимирович Маяковский и Василий Васильевич Каменский с выступления в Политехническом музее начали свои оглушительные гастроли по стране. Через верность истинного «будетлянина», продолжавшего поэтическое дело русского футуризма, даже когда Маяковский уже отошел от этого ярчайшего течения первой четверти века. Через осознание справедливости собственной поэтической строчки, еще в 1914-м напечатанной в «Танго с коровами»: «жизнь короче визга воробья». К растворению в потоках времени, из которого энциклопедии выуживают впечатляющие факты, вроде того, что Каменский — тот человек, который ввел в употребление простое и понятное слово «самолет» вместо иноязычного «аэроплана».

Владимир Каменский. «Ракета»